

18+ Сергей Шавинский

The book cover features a vibrant green forest background. In the center, a large white silhouette of a person's head and shoulders is filled with a blue sky and white clouds. Below this silhouette, a realistic illustration of a woman with light brown hair is shown from the chest up. To her right, a grey, textured globe with a black equator line sits on a stone ledge. The title 'Тактика завоевателя' is printed in bold black letters across the silhouette. At the top left, a white box contains the text '18+ Сергей Шавинский'. At the bottom, the subtitle 'откровения умудренного холостяка' is written in white on a dark stone ledge.

**Тактика
завоевателя**

откровения умудренного холостяка

Сергей Щавинский
Тактика завоевателя.
Откровения
умудренного холостяка

<https://litres.ru/70915495>

ISBN 9785006428034

Аннотация

Убежденный холостяк средних лет встречается женщину значительно старше себя. Эта встреча его ни к чему не обязывает, и поначалу он не придает ей никакого значения. Но события начинают развиваться по собственному сценарию. Эти отношения заставляют главного героя, смотреть на происходящее более пристально и ценить то главное, что есть в близком человеке, и, в конечном счете, — во многом пересмотреть свои жизненные принципы. К тому же дочь героини начинает играть в этой истории существенную роль.

Тактика завоевателя Откровения умудренного холостяка

Сергей Щавинский

художник Николай Григорьевич Резниченко

© Сергей Щавинский, 2026

ISBN 978-5-0064-2803-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мы познакомились с ней на дурацком празднике, устроенном в честь Дня кино в нашем Центре досуга, за которым у местных жителей закрепилось название «Особняк». Центр находится в сравнительно небольшом старинном здании, сохранившемся уютном особнячке, и как-то худо-бедно существует за счет госбюджета.

Собственно говоря, никакого праздника и не было, всем приглашенным вручили желтые листочки с вопросами викторины, посвященной отечественному кино, была устроена небольшая выставка, в кинозале показали какой-то старый

немой фильм, снятый на заре эры кинематографии... Но самое главное, после этой бледной культурной части не всех, но избранных, пригласили на фуршет — и я тоже оказался в их числе. И вот это было организовано на славу! Вина и коньяка там было в избытке, всяких канапе, аккуратных закусок в тарталетках и отдельно тоже хватало, а приглашенных на фуршет было немного, исключительно свои. Я же попал в этот круг избранных благодаря своей давней знакомой Элле Сергеевне, работавшей в этом центре. И сразу стало понятно, что количество выпивки и закуски явно превышает возможности узкого круга приглашенных. На фуршете собралось несколько человек из районной администрации да из подведомственных учреждений культуры. Общаться с ними мне не очень хотелось. Поэтому, взяв фужер с красным вином, я потихоньку перекидывался репликами с Эллой Сергеевной. В моих планах было выпить немного вина, съесть пару тарталеток с разными салатами и с благодарностью потихоньку ретироваться — то есть просто-напросто свалить.

Мы стояли чуть в стороне, а Элла Сергеевна подливала мне в стаканчик морс из кувшина. К нам подошла элегантная женщина, как говорится, элегантного возраста, как выяснилось, старая знакомая Эллы Сергеевны. Я не заметил, где она была до этого, как появилась... Возможно, она немного опоздала на вечер или пришла в аккурат к фуршету. Я предложил выпить вина: «Вам белого, красного?..» Я видел, что она хотела быть рядом с нами, и понял, что остаток ве-

вчера придется провести в беседе с этой незнакомой, но не из робкого десятка дамой. На вид возраст ее был неопределенный, но даже женщиной средних лет назвать ее было нельзя. Ей было явно больше. Правда, одета она была изящно, со вкусом и держалась достойно. Она поинтересовалась, кто я, где работаю. Я спросил, чем она занимается. Выяснилось, что в далеком прошлом она работала на большом предприятии, руководила отделом научной организации труда, а теперь нашла для себя совсем иное дело — водит экскурсии по окрестностям Петербурга, практически везде, куда попросят организаторы, но в основном, по Царскому Селу и Павловску.

Мы разговорились. Ее звали Валерией Алексеевной, она действительно была элегантна, женственна, смотрела на меня заинтересованным, внимательным взглядом, говорила немного путано и сумбурно, часто не договаривая фразы до конца, перескакивая с одного сюжета на другой. Но я почувствовал, что имею дело с необычной женщиной, которая нашла для себя дело уже не в молодом возрасте, и сразу же эта мысль застряла у меня в голове... К тому же Валерия Алексеевна успела рассказать, как она поддерживает себя в хорошей физической форме, и, глядя на нее, я понял, что это действительно так.

Я подумал, что можно сделать передачу или интервью на эту тему, подчеркнув социальный аспект, на какой-нибудь петербургской радиостанции или в одном из городских жур-

налов, и я предложил ей такой вариант.

— А в каком журнале?

— Ну, пока не знаю. Я работаю в рекламном агентстве — с кем-нибудь договоримся.

— Ой, даже не знаю... Но если получится, я, конечно, не против.

— А вы давно водите экскурсии?

— Ну, уже, наверное, около десяти лет... Знаете, это началось, когда я сидела дома с ребенком. Я ушла со своей прежней работы — захотелось чего-то интересного...

И Валерия Алексеевна взалхлеб стала рассказывать, как она стала экскурсоводом в таком солидном возрасте. Собственно, ничего удивительного в этом не было, но все-таки чувствовалось, что женщина она незаурядная, сохранившая свой стиль и даже очарование, которое далеко не каждой женщине в ее возрасте дано, что она стремится жить интересно и осмысленно.

Я решил вытащить ее на откровение:

— А как вам удается сохранять такую хорошую форму и обаяние?

Это не смутило мою собеседницу, и она посмотрела на меня с каким-то особым вниманием.

— Знаете, как говорят: любовь делает женщину красивее, мужчину — добрее, а жизнь — прекрасней!

— О, какие слова! Но это в идеале...

— А мне хочется верить, что так и есть...

— Ну, возможно. Возможно, вам виднее... Я вижу, вы женщина интересная, со своим жизненным опытом.

Мои слова не смутили Валерию Алексеевну. Напротив, она сама вдруг сделала комплемент в мою сторону:

— Как вам хорошо, когда вы улыбаетесь!..

— Ну, улыбка идет всем людям...

— Нет, это я как женщина вам говорю.

Так мы проболтали еще какое-то время. У меня пошел второй фужер вина, а потом и третий, я все слушал и слушал беспечную болтовню Валерии Алексеевны. Выяснил, что у нее есть свои страницы в популярных соцсетях, что меня даже удивило, учитывая ее возраст.

— Но вообще-то я бываю там редко. Просто, когда туда заходишь, можно зависнуть у компьютера надолго...

— Да, я вас понимаю. Столько времени на это тратишь, а что в результате имеешь?.. — соглашался я с ней.

Валерия Алексеевна продолжила разговор с Эллой Сергеевной — вместе они составляли классическую пару дамы приятной во всех отношениях и просто приятной дамы. Слава богу, они разговорились между собой и вскоре практически забыли обо мне. Поэтому минут через пятнадцать я стал с ними прощаться, сказав Валерии Алексеевне, что позвоню и мы договоримся о встрече, чтобы сделать интервью.

2

Я давно перешел сорокалетний рубеж. Кризис среднего возраста, можно сказать, меня легко миновал. Окончив фа-

культет журналистики Петербургского университета и проработав в разных известных и малоизвестных изданиях, я прибился в одно успешное рекламное агентство, где стал заниматься рекламными кампаниями крупных заказчиков, и плюс делал информационные материалы по разному случаю. Эти заказы приносили нашему агентству стабильный доход. В общем, на жизнь мне хватало, и даже вполне безбедно.

Дважды женившись и более-менее спокойно расставшись со своими женами, я больше не испытывал судьбу. С молодыми я вообще зарекся иметь дело. Все они, во всяком случае, что встречались мне, были какими-то банальными или откровенно недалекими, а их интересы, как правило, оказывались на уровне телесериалов и отечественной поп-музыки, когда через несколько дней я понимал, что лучше остаться наедине с самим собой. А женщины в возрасте, почти все, были уже порядком раздавленные вширь и, как правило, какие-то несчастные, со своим грузом проблем. Спортом и своим здоровьем они не занимаются, все время решают проблемы своих выросших детей, а для себя жить не умеют.

Я стал не то чтобы сильно убежденным, но вполне сформировавшимся холостяком, жил один в своей небольшой двухкомнатной квартире со смежными комнатами, которая меня вполне устраивала, привык сам себя обслуживать и самостоятельно решать все вопросы.

Зато ни с кем у меня не возникало никаких конфликтов по разным поводам — мне не надо было выяснять, что и как

делать, как провести время, куда поехать, где и когда лучше отдыхать... И я жил, как мне нравилось, как считал нужным — спокойно, уравновешенно и доброжелательно по отношению к внешнему миру. Вообще, по природе я человек бесконфликтный, могу сгладить любую ситуацию, а уж сделать что-то приятное для хорошего человека я всегда готов с радостью.

Город, в который я давно перебрался из Петербурга, не перестает удивлять и восхищать людей на протяжении вот уже более трехсот лет. Трудно даже определить, большой он или маленький. По европейским меркам вполне себе немалый город. По нашим представлениям — вроде как небольшой, компактный пригород Петербурга, о котором приехавшие из Питера молодые девчонки как-то высказались: «Такой маленький прикольный городок!»

В этом городе живешь как в скорлупе, в своем особом уютном мире, из которого не хочется выбираться наружу. Все рядом, все доступно, стоит только протянуть руку и взять то, что тебе необходимо. Два шага в одну сторону — магазин, в другую сторону — аптека, налево пойдешь — сбербанк, направо — почта... И так все, до всего — пешком, за пять минут!

Город можно было бы одновременно назвать и золотым, и серым... Золотым, потому что если посмотреть на него в утренней или вечерней заре сверху, с высоты Певческой башни или соседних Пулковских высот, мы увидим, как све-

тятся золотые купола множества его храмов, восстановленных в последние десятилетия. А серый он — на уровне человеческих глаз, в нашей обыденной жизни, так как в послевоенное время был застроен одинаковыми трех-, четырехэтажными домами из серого силикатного кирпича. И в центральной части города, наряду с сохранившимися старинными особняками, эти невыразительные жилые дома стали однообразной унылой городской декорацией.

Город имеет свою географическую особенность. После въезда с северной стороны он постепенно, шаг за шагом, поднимается на возвышение, на самую верхнюю точку, где раскинулся большой дворец бирюзового цвета в изысканном барочном стиле. Своим симметричным фасадом он растянулся вдоль регулярного парка, как занавес вытянутого театрального портала.

На нескольких центральных улицах особенно заметен перепад уровней города. И дома там стоят со скошенной у самого асфальта линией цокольного этажа, как будто их кто-то косо подрезал снизу...

Однажды оказавшись здесь, приехав сюда, человек уже ни за что не хочет покидать это место. Люди прирастают к нему так же основательно, как укореняются деревья в местных парках. Такое ощущение, что жители представляют собой одно большое негласное сообщество, в котором сложно скрыть что-то друг от друга, как будто все родственники... Бывает, трудно пройти по центральной части города, чтобы

не встретить знакомого.

К городу давно прикрепилось красивое название — Город муз. Вся его история — это история жизни здесь знаменитых поэтов, писателей, литераторов, представителей разных видов искусств... И все ныне живущие горожане, когда к слову, а то и просто так, любят вспоминать и произносить это словосочетание. Но это не значит, что здесь все ходят и читают вслух стихи... Жители города живут своей будничной жизнью. И все же поэтические настроения возникают в душе каждого, кто смотрит на памятник юному поэту, задумчиво сидящему на чугунной скамье в Лицейском саду.

Город находится в окружении пяти больших парков. Оказаться в них, в этом царстве густых аллей, стриженных партеров, умиротворяющих водоемов и каналов, так же легко, как перейти на соседнюю улицу. Эти парки — естественная среда обитания всех горожан. Здесь каждый прогуливающийся отпускает свою душу погулять и может себе позволить на часок-другой забыть обо всем насущном. Туристы приезжают сюда за тысячи километров, может быть, один раз в жизни, чтобы увидеть эти дивные парки и дворцово-парковый ансамбль, бывшую императорскую резиденцию. А жители нашего города ежедневно гуляют по старым паркам и в любой день могут зайти в один из царских дворцов, просто чтобы обновить впечатления от великолепия изысканных интерьеров.

Конечно, не все могут оценить этот подарок судьбы. До-

стойны ли мы, современные жители, этого удивительного города? Не знаю... Но город от этого не становится хуже...

3

Через неделю мы созвонились с Валерией Алексеевной и встретились в том же досуговом центре. Она немного опоздала, но пришла бодрая и жизнерадостная. Мы расположились в уютном вестибюле и начали беседу. Несколько сбивчиво она стала рассказывать о своей жизни, об учебе в Финэке, стажировке в Москве, работе руководителем отдела научной организации труда на большом предприятии. Рассказала о своем муже Романе, который совершенно неожиданно скоропостижно умер шесть лет назад.

Он был на несколько лет старше ее. Когда Валерия была еще школьницей в старших классах, Роман дружил с ее старшим братом и часто приходил в их дом. Но Валерия не придавала значения его визитам. А он уже тогда, что называется, положил на нее глаз и думал о будущей женитьбе на ней. И когда ей исполнилось восемнадцать лет, он сделал ей предложение, подарив дорогое кольцо. Они прожили вместе сорок один год, она его не просто любила, а боготворила. Именно он зародил в ней интерес к истории Петербурга и его знаменитых пригородов. С тех пор этот интерес у Валерии Алексеевны не угасал. Дочка появилась у них очень поздно. После ее рождения Валерия Алексеевна долгое время не работала, потом устроилась в частную школу, преподавала там этику до тех пор, пока школа не закрылась. А потом,

уже на пенсии, еще больше увлеклась историей Петербурга и его пригородов, стала готовить и водить экскурсии по паркам и улицам Царского Села и Павловска. Людям нравились ее легкие, увлекательные рассказы и то, как она умела донести до слушателей самые разные исторические факты и душещипательные любовные сюжеты. Ее муж умер совершенно неожиданно: приехал домой из Питера, почувствовал себя плохо, лег на диван и умер — оторвался тромб, смерть наступила очень быстро. Врачи «скорой» лишь констатировала смерть. Так Валерия Алексеевна осталась одна.

Наш разговор длился больше часа. Я задавал разные вопросы и поневоле выяснял подробности ее жизни, прикидывал, за что можно зацепиться, что будет интересно читателям в жизни этой немолодой, но вполне активной женщины. Валерия Алексеевна рассказала и о том, как она поддерживает свою физическую форму — каждый день утром делает зарядку, принимает холодный душ, ежедневно делает по пятьдесят приседаний, много ходит пешком и в день старается проходить не менее десяти километров. Она принесла и показала мне номера газет какого-то профилактория, в которых были напечатаны ее статьи об исторических личностях. Мы договорились, что в ближайшие дни она пригласит меня на свою уличную экскурсию, чтобы я мог сфотографировать ее с экскурсантами.

Через несколько дней она позвонила, я приехал в назначенное место с фотоаппаратом. Как раз выдался ласковый

солнечный день, не редкий для первых чисел сентября. На площади перед входом в парк, как всегда в погожий выходной, было много народу. Валерию Алексеевну окружала небольшая группа людей, приехавших из Петербурга. Она была настроена на общение, выглядела хорошо и вообще была весела и жизнерадостна. Было видно, что ей это нравится — быть в центре внимания, когда люди ловят каждое ее слово.

Я сделал несколько кадров, еще немного прошелся с ними, попрощался, помахав рукой, и побежал по своим делам.

Я отдал файл с записью разговора нашему сотруднику, который занимался текстами, чтобы он расписал интервью, и договорился с редактором журнала «Будни и праздники», с которым мы периодически сотрудничали. Под этот материал мы еще разместили в журнале пару рекламных модулей туристических агентств. Так что эта публикация для всех оказалась кстати. А примерно через три недели октябрьский номер журнала вышел из печати, и я получил несколько экземпляров. Позвонил Валерии Алексеевне. На следующий день мы с ней снова встретились.

Ее глаза загорелись, когда она увидела себя в журнале. Она вертела номер в руках, много и беспорядочно говорила и благодарила меня. Оказалось, что публикация как раз пришлась к ее Дню рождения, который должен быть на днях, хотя я этого не знал и, конечно, не мог подгадать к этой дате выход журнала. Но как-то случайно так получилось... А

Валерия Алексеевна говорила, что это — знаковое событие, лучший подарок к ее дню.

Видимо, она чувствовала себя обязанной, звонила мне пару раз и все говорила, что надо бы нам встретиться, чтобы отметить это интервью в журнале. Как я ни пытался дать понять, что ничего особенного не сделал, моя героиня проявляла мягкую настойчивость. Но где? В ресторан идти по этому поводу мне казалось неоправданным, приглашать ее к себе домой, в мою холостяцкую неустроенность, тоже не хотелось. Тогда я предложил Элле Сергеевне встретиться втроем у них в досуговом центре и посидеть в неформальной обстановке. Валерию Алексеевну она знала давно и легко согласилась на мое предложение. В старом здании был небольшой зальчик на втором этаже с настоящим камином, в котором можно было развести огонь. И я знал, что иногда работники центра узким кругом устраивали там свои посиделки с легкой выпивкой.

4

С Эллой Сергеевной, разведенной женщиной средних лет, мы были знакомы благодаря одному уважаемому человеку, с которым меня свела судьба. Иван Петрович был директором этого досугового центра, несмотря на то, что имел историческое образование и прежде работал в нашем главном, можно сказать, градообразующем музее. А в душе он был настоящий поэт и артистическая натура, любил игру в бильярд, поставил в холле досугового центра два бильярдных стола

и играл там в свое удовольствие. До некоторой степени он был таким утонченным пижоном, любил в жизни все красивое, и всегда рядом с ним были какие-то интересные женщины. Много лет его верной помощницей была Элла Сергеевна, его Санчо Панса, готовая на все ради своего господина. Как-то мне сказали, что наверняка она была его любовницей, но я этому не верил. По некоторым данным не годилась она уже на роль любовницы. Но она оставалась вполне доброжелательной женщиной, вырастила сына и продолжала в одиночку отстаивать свое существование. И поэтому всегда была при Иване Петровиче. Но вот около года назад он скоропостижно скончался от обширного инфаркта. В досуговый центр был назначен новый директор, а Элла Сергеевна продолжала здесь работать.

По всем признакам, она была озабочена поисками потенциального мужа или сексуального партнера. И ее заинтересованный взгляд при появлении любого мало-мальски приличного мужичка поневоле выдавал ее с головой. Не могу сказать, что она была непривлекательна... Но возраст быстро давал о себе знать. Несмотря на правильные и даже приятные черты лица, ее привлекательность находилась на границе ушедшей молодости и приближающейся старости. И уже прилично раздавшаяся в бедрах женщина по определению не представляла собой интереса для среднестатистических мужчин. В свое время она стала подбивать клинья и ко мне, но я не поддался этому сомнительному соблазну. Мы оста-

вались хорошими знакомыми и иногда встречались вместе в одной небольшой компании.

Круг ее интересов также был не на высоте и не позволял ей выйти за пределы ее образа жизни. Звезд с неба она не хватала, но обладала умеренной деловой хваткой, которая удивительным образом сочеталась с природной вальяжностью и даже какой-то откровенной ленью. Но когда речь заходила о реальной выгоде, Элла Сергеевна подзаводила себя и старалась своего не упустить. Бюджетное досуговое учреждение таких возможностей практически не предоставляло, поэтому, помимо работы в центре, у нее был и свой маленький бизнес — блинная для туристов, в которой работало два человека.

Мы договорились с Эллой Сергеевной, что я принесу каких-нибудь деревяшек — дровишек для камина и вино, а об остальном должны были позаботиться женщины. Рядом с каминным зальчиком находился небольшой бар с холодильником. Так что все было удобно, и накрыть импровизированный стол не представляло труда.

Я зажег в камине бумагу и стал подкладывать мелкую растопку. Принесенные мною деревяшки поначалу не хотели загораться, но когда огонь наконец пополз вверх, в воздухе потянуло приятным, подзабытым запахом горящего дерева. Мы расположились в мягких креслах, на журнальном столике на пластиковых тарелочках разложили легкие закуски. Я открыл бутылку и сказал первый тост. «За встречу! За при-

ятную компанию!» А компания у нас была, конечно, немно- го странная — один мужчина и две немолодые женщины.

О чем было говорить? Валерия Алексеевна благодарила меня за то, что получилось такое интервью в хорошем, глянце- вом журнале — за это и выпили! Потом — за Валерию Алексеевну и ее кипучую деятельность на ниве отечествен- ной культуры! Она тут же углубилась в свое недавнее про- шлое, невзначай рассказывала, что где бы она ни появля- лась, ее везде ценили, любили и восхищались ею... Потом мы быстро перешли к общим знакомым, стали выяснять и вспоминать, кто живет и работает в нашем славном город- ке, ну и, конечно, между делом слегка перемывать им кости. Скоро выяснилось, что у них с Эллой Сергеевной были свои общие знакомые, о которых я не знал, — и им тоже доста- лось, но, я бы сказал, вполне сдержанно, интеллигентно...

Мы неспешно пили красное вино, закусывали всякими нарезками. Даже разговор ни о чем может продолжаться до- вольно долго. Я периодически подкладывал в камин заготов- ленные деревяшки. И в какой-то момент стало понятно, что все темы исчерпаны, все знакомые перебраны, и мы начина- ем повторяться... Стали собираться, и я вызвался проводить Валерию Алексеевну до дома.

Шли минут пятнадцать, дорога была легкая, все время по одной улице и лишь в самом конце надо было повернуть во двор. Валерия говорила почти без остановки, я лишь иногда поддакивал. Наконец, дошли до ее дома.

— Ну, вот — здесь я живу. Как-нибудь приглашу вас к себе. Но сейчас у меня... знаете... надо навести дома порядок — и тогда обязательно приглашу.

— Ну, хорошо, когда сможете, тогда и приглашайте.

Пора было расставаться, но надо было это сделать как-то погалантнее. Я подумал, как лучше... Видимо, надо поцеловать ее на прощание?.. Все-таки мужчина провожает женщину — так что будет вполне оправданно. Дотянулся до ее щеки и поцеловал. Валерия Алексеевна слегка смутилась, но улыбнулась, махнула рукой и скрылась за дверью парадной.

5

Этот поцелуй, естественно, не оставил в моей душе никакого следа. Я благополучно забыл о Валерии Алексеевне на пару месяцев, и вспоминал лишь тогда, когда получал от нее эсэмэски с поздравлениями к каким-то придуманным праздникам, которым я не придавал никакого значения.

Пару раз мы случайно встречались с ней в ближайшем супермаркете, и тогда Валерия Алексеевна, бросив все заботы о покупках, сразу же начинала поправлять что-то на себе, как будто пыталась посмотреть на себя со стороны, как она выглядит в этот момент. И я ее понимал. Женщина солидного возраста совершенно неожиданно встретила в магазине мужчину, который был значительно моложе ее. А вдруг в этот момент у нее что-то неопрятно в одежде, или в том, как надет головной убор, как повязан шарф... И вообще, она сейчас не в той куртке — лучше была бы другая, но сего-

дня, как на грех, надела старую... Валерия Алексеевна слегка смущалась. Мы набирали продукты, каждый в свою корзину, расплачивались, я немного провожал ее в сторону дома, и мы расставались. При этом каждый раз она говорила, что когда-нибудь, но не сейчас, обязательно пригласит меня к себе домой. А сейчас, знаете, все не убрано, неудобно как-то... Но я и не претендовал на прием.

Я убегал к себе и снова забывал про Валерию Алексеевну. Жизнь заставляла заниматься насущными делами.

После одной такой случайной встречи в декабре я решил пригласить ее к нам в агентство: показать, где я работаю, беззаботно поболтать, попить чайку на нашей офисной кухне и тем самым скромно отметить с ней наступающий Новый год. А то уже месяца три, как мы встречаемся случайно, а надо бы все-таки как-то посидеть с бутылочкой, пообщаться, ведь поговорить всегда есть о чем. Ну, вот я и решил — хватит уже кормить друг друга обещаниями. Раз Валерия Алексеевна не зовет к себе, посидим у меня на работе в полуофисной обстановке, ближе к вечеру, когда сотрудников будет меньше.

Двадцать шестого декабря я заехал за Валерией Алексеевной на машине. Мы без заторов проехали по шоссе, вскоре вдоль дороги выстроились деловые постройки южных окраин Петербурга, а через полчаса мы уже входили в бизнес-центр, в котором весь третий этаж занимало наше крупное, даже по масштабам Питера, агентство Nord Advertising.

И я стал показывать Валерии Алексеевне помещения, ведь она совершенно не представляла, что такое рекламное агентство и как оно работает.

Мы шли по этажу, я открывал разные двери и показывал Валерии наши отделы. Прежде всего, мы заглянули в творческий отдел, где в двух больших комнатах находились дизайнеры, верстальщики, создатели клипов и видеороликов. Народу, как я и предполагал, было уже немного. Кто-то был на выезде, а кто-то, видимо, слинял пораньше. Но сама необычная обстановка отдела, яркие креативные постеры на стенах впечатляли любого человека, попавшего сюда впервые.

— Всем привет! Это Валерия Алексеевна — героиня нашего романа! — шутливо представил я гостью.

— Как же, как же, читали!.. — откликнулся один из сотрудников отдела.

— Вот, здесь люди творят, выдумывают, созидают!

— Да, если им не мешают...

— Да кто же вам мешает, кроме вас самих!

Мы пошли дальше.

— А здесь у нас находятся стилисты. Впрочем, вам они не нужны — вы итак всегда практически безупречны. Но давайте заглянем к ним! — объяснял я Валерии Алексеевне, открывая следующую дверь.

На нас с любопытством смотрели три сотрудницы:

— Привет, Виктор Васильевич! Кого привел?

— Да вот, незаурядная женщина Валерия Алексеевна.

— О, мы любим незаурядных людей! Но смотреть у нас особенно нечего. Весь наш арсенал в шкафах.

Действительно по периметру комнаты стояли закрытые шкафы. Лишь пара манекенов с надетыми на них платьями вносили разнообразие в обстановку.

Дальше я говорил Валерии Алексеевне названия отделов и только приоткрывал двери. Но производственный, отдел по работе с клиентами и отдел маркетинга были для постороннего человека уже не так интересны, а уж тем более финансовый отдел и бухгалтерия. Почти в конце коридора я произнес интригующим тоном, вспомнив старую комедию: «А здесь у нас младшие научные сотрудники!» и открыл дверь. Мы вошли в небольшую уютную кухню. К счастью, там никого из наших не оказалось.

Мы сели напротив друг друга. Я разложил купленные нарезки, поставил рюмочки, разлил коньяк, и мы выпили за все хорошее, что было в прошедшем году. Я стал рассказывать о своей прошлой жизни, выпили еще по рюмашке. Валерия завела разговор о своей дочери. Для меня стали вылезать на свет подробности ее жизни.

Вике исполнился уже тридцать один год, но она была не замужем. При этом, по словам Валерии Алексеевны, она вполне симпатичная, все у нее, как говорится, на месте: и фигурка, и личико, и ум... А вот замуж никак не выйдет!

— Не знаю, что делать, как ей можно помочь!

— Да в этом деле вы ей не помощница...

Вскипел чайник, стали пить чай, не забывая при этом и про коньяк. Но бутылочка была небольшая, и вскоре она подошла к концу. А ее желание продолжать разговоры не заканчивалось...

Однако время было уже вечернее. Мы засобирались, вспомнили, что скоро Новый год, достали и вручили друг другу ничего не значащие, пустяковые подарки. И почему-то мне захотелось не просто поцеловать ее на прощание...

Я осмелел, слегка приобнял ее, задержав в своих руках, и поцеловал в щечку. Валерия Алексеевна не вырывалась, и на какое-то время мы крепче прижались друг к другу. В глубине души, я заметил, что мне это понравилось, и почувствовал, что хотел бы продлить этот момент. Но, наверное, это показалось бы неприличным, и мы сделали вид, что ничего особенного не произошло.

Валерия Алексеевна суетливо засобиралась, быстро оделась, мы еще раз пожелали друг другу хорошего Нового года. Я проводил ее до входа в бизнес-центр, а провожать до дома не стал — все равно машину пришлось оставить на стоянке.

— Пока-пока! — слегка нараспев произнесла она и скрылась за входной дверью. А я остался, чтобы перед выходными доделать кое-какие дела и оставить свое рабочее место в порядке.

6

После новогодней паузы и десятидневного безделья начала года дни побежали быстрее.

В очередной раз я встретил Валерию Алексеевну в нашем продовольственном магазине. Видно было, что она засмушалась, стала поправлять шапочку.

— Ой, надо же! Какая встреча!.. Как я выгляжу?.. — буквально вырвалось у нее.

— Вы выглядите прекрасно! Можете не сомневаться.

— Да, честно?

— Конечно! Вы всегда выглядите великолепно! Ну что, Валерия Алексеевна, так и не приглашаете к себе? Может, вы боитесь меня?

— Да ну что вы!.. Что мне вас бояться! Обещаю, что в самое ближайшее время я вас позову.

— Ну, хорошо. Буду ждать!

И действительно через неделю раздается звонок, и Валерия Алексеевна предлагает встретиться во вторник. Я задумался о том, как она живет, как встретит, что меня ждет у нее? Я знал, что она вдова, живет с взрослой дочкой. Но как живет, какой у нее дом, совершенно не представлял. Было интересно посмотреть на ее квартиру и оказаться с ней наедине. Я стал думать о том, смог бы я такую женщину поцеловать по-настоящему, в губы, получая от этого удовольствие. Меня стало раздражать любопытство, я был уже в нетерпении. Но через день она позвонила снова и извинилась:

— Вы знаете, у меня тут возникли неожиданные обстоятельства. Давайте перенесем встречу на пятницу!

Ну, начинается! — подумал я. Знакомый прием у женщин: сначала назначить день встречи, а потом его переносить. Ну что делать, пришлось согласиться...

И вот, наконец, настала ожидаемая пятница. Я ушел с работы пораньше, купил шампанское, пирожные и в четыре часа стоял у двери в парадную ее дома. Звонок. Ответ по домофону. Поднимаюсь на второй этаж и попадаю в ее квартиру. Здравствуйте!

Валерия Алексеевна, как всегда, в брючках, в полосатой кофточке, подтянута, с аккуратно уложенными волосами встречает у входа. Вешалка рядом, тапочки приготовлены. «Ну, вот так я и живу!»

Мы проходим на кухню — любимое место в каждом доме. Я достаю из пакета и ставлю на стол бутылку, пирожные. Валерия Алексеевна стала показывать свою трехкомнатную квартиру: мы прошли в гостиную, в углу которой стоял спортивный тренажер, потом показала свою комнату-спальню, а комнату дочери показывать не стала, сказав, что у нее страшный развал и ей неудобно. Как во многих интеллигентных домах людей старшего поколения, коридор занимал большой застекленный стеллаж с книгами. Обстановка была довольно приятная, но слишком традиционная, из прошедшего времени, какой-нибудь двадцатилетней давности.

Мы вернулись на кухню. Бросилось в глаза, что кухонный подоконник был заставлен цветами, горшочками и какими-то декоративными украшениями. Холодильник был весь

облеплен всякими магнитными сувенирами. Валерия Алексеевна поставила на стол приготовленный ею экзотический салат. Я хотел сесть у окна, но она меня остановила.

— Садитесь лучше напротив, а я сяду там.

Я сначала не понял, почему. Но сама Валерия Алексеевна, не скрывая, объяснила, в чем дело:

— Здесь для меня свет лучше падает.

Я открыл бутылку шампанского.

— Ну, за долгожданную встречу!

Выпили по глотку.

— У! Какое вкусное! Прелесть! Я люблю именно брют — никакого там не полусладкое!

Валерия Алексеевна стала рассказывать о том, когда и как, благодаря мужу, им досталась эта квартира, как они сюда переехали в середине девяностых годов. И снова пошли воспоминания о муже, признания, как она его любила, боготворила и какой он был интересный человек.

Разговор складывался сам собой. Валерия Алексеевна торопилась рассказать о многом из своей жизни. Порой она так увлекалась и уходила в куда-то сторону, что уже невозможно было понять и вспомнить, о чем же она начала говорить. Подогретые шампанским, которое она все время нахваливала, мы уже так разговорились, что каждого из нас было не остановить. Периодически она суетливо вскакивала с места, вспоминая, что забыла что-то предложить и поставить на стол, что у нее есть ещё вкусная рыба и какой-то особен-

ный сыр. Я пытался ее остановить, но через пять минут все повторялось снова. Я подливал шампанское и поневоле подгонял события, хотя сам не знал, на что мог рассчитывать:

— Вы знаете, я немного встречал в жизни женщин, которых отличает женственность, именно женственность! Были красивые, привлекательные, интересные, неглупые... Но женственностью обладали лишь две-три из них. А вас, безусловно, это отличает!.. Так что, за вас, ваше обаяние и удивительную женственность!

Мои слова несколько смутили Валерию, мы подняли бокалы и сделали по глотку.

После третьего тоста я предложил:

— Валерия Алексеевна, я предлагаю перейти на «ты». Мы уже достаточно друг друга знаем. Как?..

— Хорошо, — легко согласилась она.

Мы чокнулись, выпили, но не на брудершафт, как принято в таких случаях, а по-прежнему сидя напротив друг друга за столом. А ведь, наверное, надо было воспользоваться моментом, подумал я, но было уже поздно.

Валерия сама невольно напомнила о том, что было у меня где-то в подсознании.

— А знаете, я ведь помню, как вы тогда, когда первый раз провожали, поцеловали меня в щечку.

Время бежало, я бы сказал, стремительно убегало от нас. Просто сидеть, пить и разговаривать нам уже поднадоело. И Валерия Алексеевна предложила еще раз показать квартиру.

— Раньше здесь была дверь на кухню. Мы ее убрали и поставили вот такой сплошной шкаф. Теперь там столько всего помещается.

В комнате Валерии Алексеевны на полках я увидел две фотографии: на одной — она, довольно молодая, хотя, как потом выяснилось, в сорокалетнем возрасте. Боже, какая это была красивая и грациозная женщина, с каким достоинством и спокойствием она смотрела с этой фотографии! На другой — ее дочка была снята в полный рост, в джинсах — не сказать, что красивая, да и фигурка, похоже, была далека от совершенства.

В гостиной все было традиционно и привычно, как почти во всех квартирах наших людей уже немолодого поколения. Одну сторону комнаты занимала мебельная стенка, на другой стоял диван. В свободное место у двери вписался маленький столик с монитором и принтером, а громоздкий компьютер — воплощение подзабытой уже архаики — устроился под столом. У окна горой возвышался тренажер и казался чужим в этой типичной комнате постсоветского быта. Рядом за прозрачными занавесками был выход на застекленную лоджию.

Валерия Алексеевна что-то сбивчиво рассказывала, поправляя всякие фигурки и безделушки, расставленные в мебельной стенке, без умолку говорила то про свои лекции, то про посуду. А я затаил мысль, как бы найти возможность ее поцеловать и сделать так, чтоб это произошло как-то спо-

койно и естественно, чтобы она не дала отпор.

Я стоял посередине комнаты. Она подошла ко мне, продолжая говорить, я делал вид, что внимательно слушаю. И когда на какой-то момент она замолчала, я как бы невзначай приобнял ее и поцеловал в щечку. Это выглядело вполне невинно, как легкий поцелуй в знак наших добрых, уже вполне теплых отношений. Но в этот момент мои губы дотронулись до ее губ, и я стал целовать ее по-настоящему.

Наступила пауза, которая длилась секунды. Валерия молчала. Чувствовалось, что это стало для нее полной неожиданностью и произвело впечатление легкого шока... Она слегка отвела лицо, ничего при этом не сказав. Я опустил руки. Мы оба сделали вид, что ничего не произошло, и снова заговорили, как ни в чем не бывало. Но я был доволен, что позволил себе эту вольность, что ничего при этом не случилось и гром небесный не грянул на нас, стоящих в центре комнаты. Но, может быть, в этот момент я разбудил в ней давно забытые чувства, воспоминания о том, как это было когда-то, как это происходит, как возникает смутное желание, когда рядом стоит мужчина.

Мы вернулись на кухню, выпили шампанского и продолжили беседу, как будто ничего не произошло. Заговорили о том, насколько случайно произошла наша встреча, когда полгода назад мы познакомились на празднике. Валерия, конечно, сказала, что все это не случайно. Я же по этому поводу высказал свое твердое убеждение, к которому пришел

уже давно:

— Люди склонны всему давать странные, мистические объяснения. На самом деле все в нашей жизни объясняется физическими законами и прозаическими причинами. Большинство людей считает, что все происходящее с ними — не случайно и имеет какую-то закономерность. Многие уверены, что раз это произошло, например, встреча с кем-то или удачное стечение обстоятельств, значит, так и должно было быть, что это предначертано свыше и должно было случиться.

— Люди говорят — это судьба, что так на роду написано...

— Да, люди называют все происходящее судьбой — мол, это судьба! А что такое судьба? Слово «судьба» — как Бог, ничего в жизни не объясняет. А когда люди верят в какие-то знаки и закономерности свыше, я еще больше убеждаюсь, что все это случайность, а их вера — несусветная глупость. Я как раз считаю, что все события нашей жизни происходят совершенно случайно, носят абсолютно случайный характер, даже факт нашего рождения. Говорят же — его величество Случай! Все случайно, кроме одного — смерти, которая предначертана, потому подчиняется биологическим законам. У Губермана есть такое двустишие: «На свете ничего нет постоянной, превратностей, потерь и расставаний». И я бы даже сказал: то, что все происходящее с нами — дело случая, придает нашей жизни куда большую ценность...

— Вы так... то есть ты так думаешь? Не могу еще привыкнуть!..

— Сначала все в жизни происходит случайно, а потом эти случайности становятся закономерностями. Понимаешь, я отдаю себе отчет, что наше знакомство произошло чисто случайно. Закономерность лишь в том, что мы живем в небольшом городе и поэтому рано или поздно все равно могли бы встретиться. Но могли бы и не познакомиться, и не узнать так близко друг друга. В общем, мое мнение, наша встреча с тобой абсолютно случайна. Но, честно говоря, я так благодарен этой случайности, которая подарила мне знакомство с тобой, и хотел бы видеть тебя чаще...

Это прозвучало несколько пафосно, но зато было за что выпить.

— А я хочу сказать об одной закономерности. Бывает, что ночью я просыпаюсь, иду на кухню и смотрю на электронные часы, и они показывают время: 4:44 или 5:55. Причем это было не раз и не два. Вот как ты можешь это объяснить? Почему в этот момент именно такое время на часах?

— Ну, не знаю! Это какая-то мистика у тебя в доме! У тебя, наверное, часы какие-то заколдованные. Или ты сама волшебница!

Скоро мы перешли к чаю с нежными йогуртовыми пирожными, которые я принес. Время подбиралось к шести, Валерия предупредила, что скоро уже должна прийти дочь с работы. И действительно, как по написанному сценарию раз-

дался звонок в дверь.

— Это Вика!

В квартиру вошла дочь Валерии. Я оставался на кухне и не видел ее, лишь слышал, как Валерия сказала: «А у нас гость — Виктор Васильевич». Но никакой реакции на это не последовало. Вика быстро разделась в прихожей и прошла в свою комнату, даже не заглянув на кухню и не поздравившись. Я понял, что пора собираться — знакомства с дочкой все равно не произойдет. Мы расстались, договорившись, что созвонимся и вскоре постараемся еще встретиться.

Я вышел на улицу и бодро направился в сторону своего дома. Я был доволен собой и шел от Валерии с чувством победителя, потому что осуществил то, что задумал. День подходил к концу, легкий морозец приятно освежал, и на душе было легко и безопасно.

7

Я стал думать о Валерии Алексеевне все чаще: что она делает, как сегодня работает, когда пойдет домой и сможет отдохнуть. Я хотел ее видеть, быть с ней рядом и смотреть в ее глаза.

В нашем историческом городе многие ее хорошо знали благодаря тому, что она водила разные экскурсии и выступала с беседами на исторические темы в социальных досуговых центрах перед пенсионерами, которые готовы были слушать все что угодно. А то, о чем и как она рассказывала, было

по-своему любопытно и увлекательно. Для всех и всегда она старалась быть любезной и доброжелательной — и всем это нравилось, все ее любили. И, по отзывам общих знакомых, с ней всегда было легко и приятно общаться. Она умела радоваться жизни и любые приятные впечатления воспринимала почти с восторгом.

У каждого человека с рождения есть ген молодости. Но со временем люди о нем забывают и привыкают жить без него, а некоторые стареют даже раньше, чем наступает реальная старость. С Валерией Алексеевной, похоже, все было наоборот. Она совершенно не соответствовала своему солидному возрасту, оставалась активной, подвижной, даже спортивной, а душой — и просто казалась молодой женщиной, всегда держала себя в форме, да и чувствовала себя легко и уверенно, всегда была улыбчивой, доброжелательной и подтянутой настолько, что трудно было даже предположить ее истинный возраст. Она никогда не жаловалась ни на какие недуги, даже сама удивлялась, что ничего у нее не болит и жаловаться ей не на что. И что мне особенно нравилось в ней, что она живет, как мне тогда казалось, очень цельно и правильно, в отличие от окружающих ее наших сограждан, которые по соседству как-то тянут свою пенсионерскую лямку. Казалось, что она хочет быть сильнее своей судьбы.

В конце концов, она вела свой, удобный для нее образ жизни и жила в первую очередь для себя и своей дочери. Что же в этом плохого?..

Но я не понимал, что происходит со мной. Женщина, к которой поначалу я не проявил никакого интереса и внимания, о которой забыл на несколько месяцев, эта женщина стала все больше занимать мои мысли. Тот поцелуй в квартире вдохновил меня на большее, я стал думать о том, что хотел бы поцеловать ее еще. Теперь меня посещали мысли: интересно, смог бы я лечь с ней в постель? И вообще, может ли она в таком возрасте заниматься любовью с мужчиной? Это был вопрос, на который я не мог дать однозначный ответ.

Я позвонил старому приятелю, который всегда был большим любителем насчет этого дела, и спросил его:

— Слушай, у тебя были старухи?

— Старухи?.. Было одной за пятьдесят... А старух — не было. Со старухами что хорошо — что за них не сажают. За малолеток сажают. А за старух нет.

Это он так пошутил! Но меня это не утешило. На деле же все больше занимал вопрос: а вдруг у меня с ней что-то может получиться? Может, и стоит попробовать, провести такой эксперимент?..

Я решил не снижать напора и стал писать ей в сети. Я был деликатен и подумал, что надо мягко гнуть свою линию, но раз от раза завоевывать новые рубежи отношений. Я писал, что мне нравится ее образ жизни, ее квартира, и она сама нравится мне все больше и больше. И просил не откладывать нашу следующую встречу надолго. «Хочу тебя преду-

предить, что я буду тебе надоедать: писать, звонить, предлагать встретиться и вообще. Потому что видимся мы редко и пока не наговорились, да и вряд ли наговоримся, ведь так много хочется рассказать и услышать. А как только мы расстаемся, я начинаю думать о тебе. И потом у нас с тобой большие планы — и мы обязательно должны их осуществить! И запомни главное — у нас с тобой все будет хорошо!»

Она отвечала по-женски мягко и сдержанно. Иногда мы договаривались и встречались на улице или пару раз на местных культурных мероприятиях в том же досуговом центре.

Каждый день я открывал смартфон или планшет в надежде увидеть, что она прочитала мое письмо и ответила мне. Мне очень хотелось получить от нее слова понимания и согласия. Просто получить это приветствие, частичку ее нежности и душевной теплоты — и тогда у меня на душе сразу же происходило что-то невероятное, какая-то удивительная радость и спокойствие.

Постепенно наша переписка становилась все более откровенной. Но договориться о следующей встрече было не так легко. Степень наших отношений была еще не на том уровне, что можно просто сказать: давай завтра встретимся у тебя.

Я попросил Валерию прислать мне парочку фотографий. Она написала, что надо поискать в компьютере, и нашла их не сразу. Пришлось напоминать. Наконец я получил несколько отобранных ею фотографий. Я смотрел на

них: мне нравилась ее мягкая улыбка, спокойный ласковый взгляд. И, конечно, было видно, что она человек с большим вкусом. Но еще больше мне нравилась в ней какая-то еле уловимая женственность, что вообще сегодня присуще немногим женщинам. Ведь часто бывает: вроде красивая, эффектная, ухоженная, а женственности ни на грош — или баба бабой, или вообще никакая. А то бывает, что у женщины такая походка, что хочется смотреть куда угодно, но только не в ее сторону... Может быть, время сейчас такое, или среда у нас непонятно какая, или это всегда, в любые времена было редкостью, чтобы женщина воплощала в себе женственность и гармонию...

Но одну фотографию я сразу выделил особо. Конечно, я сразу узнал этот вид — Валерия стояла на прогулочной террасе собора святого Марка в Венеции на фоне знаменитого вида огромной, распахнутой площади. По всей видимости, фотография была сделана несколько лет назад.

Красивая женщина украшает историческую площадь не хуже любого памятника. На фотографии был яркий солнечный день, великолепный вид с морской перспективой... Но я сразу обратил внимания, какая у нее грудь! Даже на фотографии было отчетливо видно, как туго облегает яркая красная блузка ее грудь, какая у нее сексуальная фигура. Странно, что до этого момента я как-то особенно не обращал внимания на такую первостепенную деталь.

Меня эта фотография взволновала!.. Часто, лежа в кроватке,

ти, я представлял, как обнимаю ее, как моя голова лежит у нее на плече, как я целую ее шею, плечи, грудь — эти волнующие воображение округлости с притягивающими взгляд сосками. И эта удивительно гладкая кожа женского тела, которое хочется трогать и гладить, с которым хочется соприкасаться всем своим существом...

Через пару недель мы стали договариваться о новой встрече. Я бил копытами и желал закрепить успех. Да и Валерия Алексеевна, видимо, понимала, что наши встречи могут стать чем-то большим, чем просто визиты вежливости... И когда во второй раз я переступил порог ее квартиры, я уже поневоле искал удобной возможности для своих планов, тем более что в первый раз я обратил внимание на удобный диван в ее комнате.

После легкого застолья и некоторой дозы выпитого коньяка Валерия снова повела меня по квартире. Когда пришли в ее комнату, она опять стала показывать свои цветы, которые буйно разрослись на подоконнике. Я сел на диван с видом человека, который просто хочет расслабиться, вытянул ноги и пригласил ее сесть рядом. Она по-прежнему болтала... Для приличия еще некоторое время я слушал ее, а потом, приблизившись, стал целовать ее так, что, сидя рядом, ей уже трудно было дать отпор или отвернуться. Она как будто была привязана к дивану, и это придавало мне большую уверенность. Но она и не сопротивлялась. Наконец, все-таки она отклонилась и быстро встала. А я понял, что с каждым разом

мне хочется все большего.

Мужчина хочет от женщины такой же решительности, на какую способен сам. Но женская природа противостоит мужской — видимо, в этом и заключается гармония и красота отношений между мужчиной и женщиной.

Я шел от нее и вспоминал нашу встречу, ее взгляд, нежность ее губ и как мне все время хотелось до нее дотронуться, прикоснуться, погладить ее... Вспоминал, как мы сидели рядом за столом, как говорили, слушали и смотрели друг на друга. Дело шло к вечеру, я увидел, как на центральной площади города в лучах заходящего солнца горят купола собора. Я отметил, что картина получилась редкой красоты! Сделал маленький круг, полюбовался и пошел домой. На душе было удивительно спокойно и хорошо... Подумал, вот что может сделать желанная встреча мужчины и женщины!

8

Валерия очень поздно родила свою дочь. Несмотря на то, что она вышла замуж в восемнадцать и они прожили с мужем больше двадцати лет, она никак не могла забеременеть. Не единожды обращалась к врачам, ее обследовали, пришлось и мужа отправить на обследование — все было безрезультатно. Как-то на отдыхе в Сочи, они познакомились с врачом-гинекологом из Краснодара. Как это бывает на курорте, много времени они проводили вместе, и та, естественно, спросила про их детей. Когда же узнала, что детей у них нет, стала выпрашивать о причинах. Валерия рассказала,

что никто не знает, в чем дело, что это их боль и непроходящая печаль, что они перебивали уже у всех врачей и перепробовали все. Тогда их новая знакомая стала доискиваться причин, спрашивать про какие-либо перенесенные инфекции и выяснила, что в юности у Валерии была очень сильная ангина, которая, как она предположила, и могло послужить причиной воспаления маточных труб, что, в свою очередь, привело к бесплодию. Но к счастью, это оказалось излечимо. И когда, вернувшись в Ленинград, Валерия сделала необходимые процедуры и стала принимать дорожные немецкие таблетки, она довольно быстро смогла забеременеть и в результате родила дочь уже почти в сорок лет.

Наши отношения стали напоминать мне штопор, который все глубже вкручивается в пробку, чтобы потом резко вытащить ее с глухим хлопком. Почти каждый день я писал ей, и она отвечала нежно, красивыми словами. Я звонил ей, чтобы договориться о встрече. Но, как оказалось, осуществить это было не так-то легко. Валерия все время была чем-то занята и не могла уделить мне время. Встретаться у нее мы могли только днем, потому что уже к пяти-шести часам могла приехать с работы ее дочь. Обычно она звонила Валерии, когда ехала домой, но иногда это происходило спонтанно и неожиданно для нее самой, когда по пути с объекта начальник подбрасывал Вику до дома. И тогда она сообщала об этом в последний момент или вообще не звонила, чего Валерия боялась больше всего.

Но тут выяснилось, что Вика уезжает с подругой в Алушту, хотя до жаркого курортного сезона было еще далеко. Просто представилась возможность отгулять часть отпуска, и она решила этим воспользоваться. На десять дней Валерия осталась одна, и я стал понимать, что этот шанс надо постараться не упустить.

Я стал более настойчиво договариваться о встрече, но все равно получилось не сразу. И вот, наконец, я в третий раз переступил порог квартиры Валерии. Я был настроен решительно и надеялся, что коньяк должен сделать свое дело.

Мы снова расположились на кухне. Как уже сложилось, Валерия достала готовый салат, подала на стол приготовленную в духовке курицу, а я сделал в ее тостере горячие бутерброды с ветчиной, сыром, майонезом и зеленью. Мы приглушили свет, сели за стол, я разлил коньяк, и мы, наконец, с предвкушением предстоящего удовольствия предались застолью и душевным разговорам.

Во время наших встреч Валерия всегда много суетилась, постоянно вставала, пыталась еще что-то достать из холодильника и выставить на стол. Я, не мешкая, разливал коньяк, тем самым слегка форсируя события. Очень скоро Валерия сказала: «Между прочим, я уже чувствую, что немного опьянела». Когда она встала со стула, я тоже поднялся, обнял ее и стал целовать. Но потом мы снова сели, продолжили разговоры и застолье. Она говорила, что я чем-то похож на ее покойного мужа, немного рассказывала о дочке, а больше

о своих беседах и экскурсиях, о том, как ее любят и пишут благодарности экскурсанты и слушатели. Но все равно долго усидеть на своем месте она не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.